

О писателе, который зазнался. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

О писателе, который зазнался. Максим Горький

...Нехорошо, когда писатель много имеет почитателей, нехорошо! Только болотным растениям не вредит избыток сырости. Дубам нужно её в меру.

Здесь я рассказываю об одном писателе, который по дороге к цели своей неожиданно забрёл в трясины популярности, о том, как смешно и неловко он вёл себя, наглотавшись похвал толпы, и что произошло с ним, когда голова его закружилась от туманных испарений славы.

Был он парень молодой, простодушный, но не совсем дурак и отличался от товарищей по ремеслу тем, что, всегда искренний, каждый день противоречил сам себе.

Жил он в стране, литература которой пользовалась всемирной славой, и когда начал спотыкаться о первые признаки популярности, то отнёсся к ним с недоверием и подумал:

"Странно - в трубы им трубят - не слышат, дудочка поёт - радуются!"

Парень этот не был скромн, отнюдь нет! Но он знал себе цену, вот в чём дело... И ещё он знал, что в его родной стране нет народа, а есть только "публика", и что именно "публика" создаёт литературные и иные репутации, а народ живёт своим бытом, писателями пренебрегает, верит в колдунов, всю жизнь только работает, но всегда голодает и всю литературу, вместе с другими, любимыми "публикой" искусствами, в любой момент готов променять на мешок муки.

Но хотя герой мой твёрдо знал всё это, однако - человек он был! К тому же все писатели - люди более или менее ограниченные. Он начал чувствовать, что ожесточённое внимание "публики" к его книгам - приятно ему. Он стал получать от читателей лестные письма.

Один читатель писал: "Талантливый", другой, чёрным по белому, выводил: "Многоуважаемый", какая-то читательница написала просто, но сильно: "Душка! Спасибо!" - точно писатель-то шёлку на кофточку ей подарил. А один лавочник, торговавший книгами, прислал письмо следующего содержания:

"М. Г. господин писатель!

Будучи заинтересован, почему это публика так здорово покупает ваши многоуважаемые книги, я оные прочёл, и из меня вылились следующие стихи:

Как лилии в болоте,
В душе моей унылой
Цвели мечты и грёзы
О жизни без препон.
Цвели они, - но - кратко,
Цвели и - увядали,
И в тине сердца гнили,
И пахли очень скверно...
Но ты проник мне в сердце
Своим горячим словом,
Как искрами осыпал
Ты мрак моей души!

О писателе, который зазнался. Максим Горький gorkiymaxim.ru
И запыхал я страстно,

И стал безумно храбрым,

И ныне гордо пахну

Палёною щетиной.

С истинным почтением

Семен Ястребов".

И много других знаков внимания получал писатель от "публики". А чёрт, верный спутник писателя, смеясь, подсказывал ему:

- Не смущайся, дурачок, ведь это по заслугам тебе, ты для публики как молодая любовница расслабленному старику. А также ты не притворяйся оскорблённым, ибо - "карасть любит, чтобы его жарили в сметане", а писатель - чтобы его коптили в дыму славы!

И вот герой мой начал потихоньку высовываться на глаза влюблённой в него "публики", а она - рукоплещет. И стал он к этому привыкать, как пьяница к водке, и стало ему без рукоплесканий скучновато жить, и с тем вместе зазнаваться парень стал.

Однажды в людном месте толпа "публики" окружила его, припёрла к стене и, хлопая в ладоши, одобрительно прокричала: "Браво! Браво!", а он стоял перед толпой, умиленно улыбаясь, и было ему так сладко, точно его в патоке варили. Первый раз видел он "публику" на таком близком расстоянии. Но вдруг ему стало неловко, даже жутко; показалось ему, что сейчас начнут щекотать его под мышками, и в голове его зароились разные нелепые мысли. Казалось, что каждый из толпы, разглядывая его, мысленно сравнивал свои уши с ушами писателя, желая с точностью определить: чьи длиннее? Он почувствовал, что уши его растут и достигают гигантских размеров. А "публика" смотрит и кричит: "Браво! Браво!" Тогда в уме моего парня загорелось зловещее сомнение в принадлежности своей самому себе, и он подумал:

"Они считают меня собственностью и сейчас начнут играть мною, как мячиком".

А чёрт, стоя сзади него, ехидно посмеивался:

- Гляди-ка, гляди!

Видит писатель - с десятков возросла толпа до сотен, а всё рукоплещет. Стоят среди её благовоспитанные потомки Иуды Искариота, Игнатия Лойолы и всех других хриstopродавцев, стоят твёрдо и тоже рукоплещут ему. Глаза "публики", как сотни иголок, воткнулись в грудь моего героя, он смотрел в смущении на толпу: лица её слились в одно огромное, мрачное, рабье лицо, глаз на нём не было, а только два мутных пятна на месте их, и нос был длинён, как хобот слона.

- Смотри! - сказал чёрт, - вожди её вытянули нос ей, но не зажгли огня в сердце её, и вот она слепая. И посмотри, какой у неё язык, ты посмотри!

Перед глазами моего героя шевелились огромные, чувственные губы, открывая глубокую чёрную яму, в глубине которой ворочалось какое-то скользкое, короткое, толстое ботало и со смрадом выговаривало:

- Бра-а-во! Браво!

Писатель в страхе закрыл глаза, чувствуя, что его куда-то всасывает. Но когда открыл их, перед ним стояли люди, - самые обыкновенные люди стояли перед ним крепкой стеной, лица их улыбались, глаза сверкали удовольствием детей, увидавших новую игрушку, и всё вокруг него было просто и обычно. От этих улыбок и ласковых глаз писателю стало тепло, страх растаял в сердце его, и ему захотелось сказать что-нибудь "публике", что-нибудь этакое задушевное. Он вздохнул как мог глубоко и сказал, прижав руку к своему испуганному сердцу:

- Господа!

О писателе, который зазнался. Максим Горький gorkiymaxim.ru
- Bravo! Тс-сс-с... Тише!

- Господа, - сказал он, - внимание ваше приятно щекочет мне сердце. Я, кажется, понимаю вас. Когда я был маленьким и слышал военную музыку, я, бывало, бежал за ней, и меня тоже занимала не столько сама музыка, сколько то, как солдат, играющий на большой трубе, надувал щёки. Благодарю вас, господа!

- Bravo! - закричала публика.

- Мы любим вас! - громко сказал кто-то.

А чёрт, стоя сзади писателя, всё посмеивался - хитрый!

Тогда писатель сказал:

- Я, господа, в искренность нашего отношения верю, только плохо понимаю, чем я вызвал у вас столь тёплое чувство. Иногда, знаете, мне кажется, будто вы меня за то любите, что я не ношу сюртука и в своих рассказах часто употребляю неприличные слова. И порой мне думается, что, если бы я научился лирические стихи левой ногой писать, вы бы ещё теплее, ещё с большим вниманием отнеслись бы ко мне.

- Bravo! Bravo! - рявкнула "публика".

- И, видите ли, мне думается, что вы не настоящие читатели, а просто почитатели. Читатель - он знает, что важен не человек - важен дух человеческий, и писателя не разглядывает, как телёнка о двух головах. Он его читает, но ему не верит и над книгой сам думает: "Вот это так, а это не так". А подумав, он делает что-нибудь хорошее, и потом это хорошее называют историей, вы же, господа, творите не историю, а скандалы. И настоящего читателя совсем немного на земле, а таких, как вас, - вон сколько. По советам моей, я должен сказать, что никаких симпатий, а тем более уважения, не питаю к вам... Товарищи говорят мне, что публику уважать нужно, но никто не мог объяснить, за что. Как вы думаете, за что можно уважать вас?

Писатель замолк, вопросительно поглядывая на "публику". Она тоже молчала и как бы затуманилась немножко.

Откуда-то подул холодным ветром.

- Вот видите, - после долгого молчания сказал писатель, - вы сами не в состоянии придумать, за что можно было бы уважать вас.

Какой-то рыжий человек открыл рот и басом молвил:

- Мы люди.

- Ну, много ли среди вас настоящих-то людей? Может быть, человек пять на тысячу найдётся таких, которые страстно верят, что человек есть творец и владыка жизни, а право его свободно думать, говорить, ходить - святое право; может быть, только пять из тысячи способны бороться за это право и без страха погибнуть в борьбе за него. Большинство из вас рабы жизни или наглые хозяева её, и все вы - кроткие мещане, временно заступающие настоящих людей, то же, что в вас есть человеческого, - только зоологическое. Я вот смотрю в ваши тусклые и робкие глаза и со страхом вижу, как мало среди вас смелых, как мало честных! Бедна страна моя людьми смелыми, а уж вновь наступает время, когда ей нужны герои!

Человек двадцать обратились затылками к оратору и пошли прочь. Он же продолжал:

- Хороший, живой человек всегда куда-нибудь стремится, чего-нибудь ищет, а вы живёте тихо, смиренно, неподвижно - так, как приказали вам. Жить вам тесно, думать лень, двигаться вы боитесь. Вокруг вас, - точно у кокотки в гостинной безделушки на полках торчат, - полусгнившие традиции да разные житейские правила, ни к чёрту не годные. Всё это мешает вам рукой шевельнуть, но всё это - ваши маленькие идолы, и вы не смеете низвергнуть их, хотя они - оковы вам. Когда ветер с поля приносит в затхлый воздух ваших нор новые, свежие запахи, - вы, опасаясь флюса в сердце, закрываете все форточки. Беспокойства не любите вы, беспокойство пугает вас! Но вам нужно иметь что-нибудь для разговора, нужно

О писателе, который зазнался. Максим Горький gorkiymaxim.ru чем-нибудь занимать своих гостей, и, как нищие на паперти, вы протягиваете руки к литературе, чтобы взять у ней что-нибудь для развлечения. Литература для вас острая приправа к пресноте вашей сумрачной жизни; вам нравится, когда люди пишут кровью и желчью, но только нравится. И ни любви, ни ненависти не возбуждает в груди у вас литература, – ничего, кроме криков одобрения или хулы. Вы не люди, вы зрители, вы "публика"; жизнь не дрогнула бы, если бы вы сразу исчезли из неё; провались вы все в землю – ничего не изменится на земле.

– Вы стоики, потому что рабы. Вас бьют – вы молчите, вас оскорбляют вы улыбаетесь. Вас возмущают только жёны, когда невкусен обед, а страдаете вы от жадности ко благам жизни, от зависти друг к другу и от несварения желудка. Когда сапог жмёт вам ногу, вы стонете: "О, как прав Шопенгауэр!" А слыша крик "Свобода!" – вы думаете про себя: "Что ему Гекуба?" Чёрт бы вас всех забрал! Если бы вы знали, как вы жалки, как противны, как ужасно и тяжко жить среди вас! Вам говорят: жизнь страшна, жизнь мрачна, она вся сочится кровью. Вы не верите – ваша жизнь только пошла и скучна, и, когда вам указывают смерть и ужас этой пошлости, вы остаётесь спокойными, интересуясь лишь одним: красиво ли сказано? Эстетики, утопающие в грязи, хотя бы скорее захлебнулись вы ею!

"Публика" постепенно таяла. Она не любит длинных речей. А чёрт посмеивался – он ведь знает настоящую цену всего этого. Но оратор, увлечённый исполнением своего долга, ничего не замечал.

– Жизнь – героическая поэма о человеке, который ищет сердца её – и не находит, хочет всё знать – и не может, стремится быть могучим – и не в силах победить своей слабости. Слыхали вы что-нибудь об истине, о справедливости, о желании видеть всех людей земли гордыми, свободными, красивыми?.. Вам хочется быть только сытыми, жить в тепле, насиловать и развращать женщин под видом любви к ним, вам хочется жить спокойно, уютно, потихоньку – вот ваше счастье! А желание ваше лучшего счастья – желание купить на грош пятаков. Счастье ловят крепкими, мускулистыми руками, а вы трусливые, слабые, хилые, – вы даже и мухи не можете поймать без помощи со стороны, вы даже и с мухами сражаетесь посредством ядовитых бумажек "Смерть мухам!" Мне жалко мух. Они жужжат и тем мешают спать, но я с радостью написал бы для вас бумажку "Смерть мухам!" – чтобы вы, читая её, отравились беспокойством. Вижу – я не прав: здесь вы беспокоитесь. Когда вам становится неудобно жить, потому что не хватает жалования для прокормления семьи или оттого, что вам – от скуки жить с вами – изменяют ваши жены, вы стонете, философствуете, жизнь вам кажется гадкой и тяжёлой до поры, пока вам не прибавят жалования или вы не найдёте себе любовницы. И, наполняя жизнь старческим брюзжаньем, скверным скрипом разочарования, своими жалобами на неё вы отравляете души ваших юных детей. Вы останавливаете их мысли на мелочах жизни, на пошлостях её, и мысль их тупится так, как меч, которым рубят дерево. Потом и дети, утомлённые вашими рассказами о жизни, которой вы не знаете, тихо идут проторенными тропами, преждевременно старенькие, холодненькие, дрянненькие. Идут они и ищут жизнь тёплую, жизнь тихую, жизнь уютную, находят её и существуют потихоньку, по примеру отцов. Они – как свежая известь, которою замазали трещину в старом здании. Это тяжёлое, грязное здание всё пропитано кровью людей, которых оно раздавило. Оно сотрясается от дряхлости, охвачено предчувствием близкого разрушения и в страхе ждёт толчка, чтобы с шумом развалиться. И уже зреют силы для толчка, они нарастают, они едва могут сдержать себя и то там, то тут вспыхивают пламенем нетерпения. Они придут, тогда старое здание задрожит, рухнет на головы вам и раздавит вас, хотя вы только за то достойны казни, что ничего не сделали. Но невинных нет в жизни!

"Публики" осталось совсем немного. Часть её смотрела на писателя с сожалением; любя читать его рассказы, она с грустью слушала его речь, ибо в этой речи ничего не было эстетического. Некоторые смотрели насмешливо. Всем было скучно, и никто не обижался. Вот какой-то юноша, нахмурившись, сердито крикнул:

– Всё это слова! Вы скажите, какая у вас программа?

А почтенный господин со вздохом заметил:

– Эх, и я в молодости был романтик!

Дама в чёрном платье спросила:

– Что – он и женщин ругает?

Чёрт смеётся...

– Ещё нужно сказать вам, очень уж вы любите быть несчастными! Я думаю, вы это делаете по расчёту; вам нечем возбудить друг к другу уважения и любви, вот вы и становитесь нарочно несчастными, чтобы возбуждать к себе жалость и сочувствие: дешёвенькие иллюзии, которыми вы одинаково наделяете друг друга с той же целью, как собачонку, когда колесо экипажа раздавит ей ногу. Если бы у вас было здоровое, крепкое чувство любви к жизни!.. Ведь вы не любите жизнь, вы боитесь её, вы тихонько, как воры, отрываете от неё кусочки. Кроткие люди! Бедные нищие! Пошли, господи, побольше бед на ваши головы, дабы вы обеспокоились, дай, боже, множество тревог вам, чтобы вы ожили!

Из троих, стоявших перед оратором, один обиделся и сказал:

– Да не все мы таковы, чёрт возьми! Это, наконец, несправедливо.

– Господа, не требуйте от меня справедливости – её нет в жизни, её нет ещё пока – как среди вас может родиться справедливость? И все вы одинаково плохи. Вы – общество, как делить вас на хороших и дурных? Вы все в юности вооружались знаниями, сидя в гимназии, и всех вас учат одному и тому же. Я думаю, вы учились хорошему. Мне трудно представить себе университет, в котором учили бы человеконенавистничеству, бесстрастному отношению к жизни, стремлению к тёплым местам и прочим премудростям. Мне почему-то всегда казалось, что учат не этому, но однако, когда вы входите в жизнь, все эти мерзости не убывают в ней от вашего присутствия. Я не уверен, что вы приносите в жизнь свеженькие пакости, и этого не буду утверждать. Я только знаю, что в двадцать пять лет вы отрицаете собственность, а в тридцать пять – у вас собственные дома. Я знаю, вы умеете работать на себя, но спрашиваю: что вы сделали для жизни? Вы все одинаково холодно чувствуете, даже те из вас, которые горячо говорят: "Сколько мерзости вокруг нас!" Вы пробуете уничтожить её? Вы изгоняете её? Нет, но лучшие из вас, я видел, брезгливо прячутся от неё. Стремление быть чистеньким – недурное стремление, но честный человек не боится грязи. Будем говорить по совести, – в том, что наша жизнь так скверна, мы все одинаково виноваты. На земле нет правых, нет ещё! А откуда у вас так много холопства перед силой и где вы научились рабски бояться за целостность ваших шкур? Я утверждаю – всё подлое и отвратительное, что бросается в глаза на каждом шагу, – живо, сильно и так ярко цветёт вокруг нас всюду потому только, что опирается на ваш страх за свои шкуры, на ваши холопские чувства. В позоре жизни виноваты мы все одинаково. И, если бы я верил в силу проклятия, я проклял бы вас всех, но я верю в нечто другое – скоро придут иные люди, люди смелые, честные, сильные, – скоро!..

– Ну будет уже, – сказал чёрт, улыбаясь.

Мой герой оглянулся – перед ними и вокруг него не было ни души.

– Странно, – сказал он, – куда же ушли? Я ещё не кончил!..

– Они сгорели в огне твоих речей! Видишь копоть на потолке? Это всё, что от них осталось! Идём!

Я не знаю, что было дальше с моим героем, мне не хочется выдумывать конца этой истории, я не предчувствую в нём ничего хорошего. Но я уверен: нехорошо, когда у писателя много почитателей. И всякий человек, имеющий дело с "публикой", должен насыщать воздух вокруг себя карболовой кислотой правды. Вот и всё.

осень 1900 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

О писателе, который зазнался. Максим Горький gorkiymaxim.ru
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!